

С.Г. Айвазова*

**ГЕНДЕР: ГРАНИЦА И / ИЛИ ИЗМЕРЕНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛЯ.
ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКОВ¹**

Аннотация. В статье анализируются вопросы взаимосвязи / взаимозависимости сфер политического и гендерного. По рецепции мыслительных разработок классиков политической социологии Х. Арендт, П. Бурдьё и др. описываются механизмы разведения структур «политического поля» и «зоны власти» как публичного – маскулинного, где бытуют свобода, равенство, право голоса, и частного – феминного, где господствуют необходимость, неравенство и насилие. На этой основе автор показывает, каким образом гендерная поляризация и субординация превращаются в акты символического насилия, обеспечивающего стабильность социальных иерархий даже тогда, когда социальные и политические изменения ставят под вопрос само их существование. В качестве примера используется тема гендерного передела политического поля, ставшая в повестку дня в Новое время и получившая в наши дни особую актуальность и значимость для развития социальных практик всех тех, кто стремится к обретению политической субъектности.

Ключевые слова: политическое поле; власть; гендер; гендерное равноправие; габитус; символическое насилие.

* **Айвазова Светлана Григорьевна**, доктор политических наук, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: svetlana-ajvazova@yandex.ru

Aivazova Svetlana, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: svetlana-ajvazova@yandex.ru

¹ Работа подготовлена в рамках исследовательского проекта «Конституирование поля политики в России: институциональный анализ» (грант РГНФ/РФФИ № 17-03-00446).

S.G. Ayvazova
Gender: the border and / or dimension of the political field.
Rereading the classics

Abstract. The article analyzes the relationship / interdependence of politics and gender. According to the reception of reflections of classics of political sociology, such as H. Arendt, P. Bourdieu and others, the mechanisms of differentiation between structures of «political field» and «zone of power» are described in terms of public – masculine, where freedom, equality, voting rights exist, and private – feminine, dominated by need, inequality and violence. On this basis the author shows how gender polarisation and subordination become acts of symbolic violence that ensures the stability of social hierarchies even when social and political changes call into question their very existence. As an example, gender redistribution of political field is considered, which became relevant in the modern era and has recently acquired a special relevance and significance for the development of social practices of those who seek political subjectness.

Keywords: political field; power; gender; gender equality; habitus; symbolic violence.

Вопрос о взаимосвязи / взаимозависимости «гендерного» и «политического» трактуется и описывается исследователями по-разному: одни считают гендер границей политического поля; другие видят в нем одно из его измерений; третьи включают в анализ «политического» обе эти характеристики. В этой работе мне хотелось бы уточнить, как рассматривали разные грани этого вопроса классики гендерной и политической социологии с тем, чтобы найти в их подходах некий общий знаменатель, позволяющий полнее раскрыть особенности и способы бытования и гендера как института, и феномена политического поля как сложного, дифференцированного, многомерного пространства.

Начну с самых общих определений того, что такое: а) «граница», б) «измерение». Толковый словарь русского языка Ушакова называет «границей» «линию водораздела между двумя владениями, областями». Кроме того, поясняется, что «граница – это предел, допустимая норма» [Граница]. Понятие «измерение», в свою очередь, определяется через глаголы: «измерить – измерять. 1. Измерение роста. 2. Измеряемая величина, протяжение (мат.). Куб имеет три измерения: длину, высоту и ширину» [Измерение], т.е. измерение позволяет делать заключения о величине, размерах чего-либо. Судя по определениям, явление физическое не может быть одновременно и границей, и измерением. Однако с социаль-

ными явлениями все выглядит не так однозначно – они способны парадоксальным образом сочетать в себе обе эти характеристики. Но прежде чем это показать, для ясности анализа имеет смысл остановиться еще и на том, как трактуются в классической литературе понятия «политического» и «гендерного».

Пьер Бурдьё, автор концепта «политического поля», видел в нем и «поле символической борьбы, где профессионалы представления (во всех смыслах этого слова) противостоят друг другу по поводу какого-то иного поля символической борьбы». И место, где «в конкурентной борьбе между втянутыми в нее игроками рождается политическая продукция: программы, анализы, комментарии, концепции, из которых и должны выбирать обычные граждане, низведенные до положения «потребителей», и «тем скорее рискующие попасть впросак, чем более удалены они от самого места подобного производства» [Бурдьё, 1993, с. 182]. В этом поле и вокруг него специфическим образом выстроены позиции (у Бурдьё – «диспозиции», «dispositions») тех, кто властью обладает (доминирующий), и тех, кто лишен власти (доминируемый). Первые (игроки в политическом поле) навязывают вторым (потребителям, очевидно, находящимся за его границами) свое видение картины мира, распределения политических сил, признания или непризнания механизмов легитимного и символического насилия. Российский социолог А. Филиппов уточняет, что в политическом поле «люди противостоят друг другу как группы», которые вступают в жесткую политическую борьбу, и в случае победы переопределяют, или «переучреждают», сложившийся политический порядок [Филиппов, 2013]. То есть в этом поле действуют только те, кто способен существовать и бороться в нем «как группа». А как воздействуют, и воздействуют ли, на политическое поле те, кто не могут сложиться в «группу», а потому находятся вне него?

Возникающие недоумения имеют непосредственное отношение, в числе прочего, к проблеме гендерных характеристик политического поля – как его границы и (или) его измерения. Сама эта проблема предопределена тем, что гендер, в первую очередь, является институтом, который предназначен для воспроизводства властных отношений социального неравенства, обусловленного разными статусами (диспозициями) мужчин и женщин. На этом основании политический историк Дж. Скотт делает заключение, что «политика конструирует гендер, а гендер конструирует поли-

тику» [Скотт, 2001 а, с. 426]. Политические подходы и решения определяют характер нормативных предписаний для тех или иных иерархически выстроенных социальных ролей, назначаемых мужчинам и женщинам. Эти роли, в свою очередь, становятся основой для социального конструирования биологической реальности. Иными словами, «политическая история... разыгрывается на поле гендера» [там же, с. 430]. Везде и всегда, пока сохраняются гендерные иерархии. И с этой точки зрения гендер не может не быть измерением политического поля.

Но наряду с этим Дж. Батлер, одна из основательниц гендерной политологии, рассматривает гендер, прежде всего, как институт, четко разводящий мужское, «маскулинное», которое кодируется как собственно «политическое», публичное, и женское, «феминное» – как приватное, «до-» или «вне-» политическое. То есть «конститутивное внешнее» по отношению к основному, фиксирующее границы политического поля [Дж. Батлер, 2001, с. 256]. Дж. Батлер подчеркивает: «Основания политики (универсальность, равенство, правовой субъект) выстроены через акты немаркированных расовых и гендерных исключений и путем слияния политики с публичной жизнью, где приватное (репродукция, сфера феминного) раскрывается как до-политическое» [там же]. Значит, гендер – это граница политического, символически разделяющая мир на «игроков» в политическом поле и «потребителей», которым приходится вольно или невольно подчиняться их решениям.

Почему это так? Наиболее убедительный ответ на этот вопрос, на мой взгляд, можно найти в известной работе Ханны Арендт «*Vita activa*, или О деятельной жизни». С присущей ей способностью восходить к истокам изучаемого феномена, проясняя его порой ускользающую суть, Арендт связывает возникновение публичного политического пространства с **его отделением** от пространства родового, семейного, складывающегося со временем в сферу частного. Ссылаясь на Аристотеля, она утверждает, что «основанию полиса предшествовало уничтожение всех союзов, опиравшихся, подобно *фратрии* или *филе*, на природно-естественное начало, т.е. на семью и кровное родство» [Арендт, 2000, с. 34]. А потому, в согласии с греческой философской мыслью, человеческую способность к политической организации надлежит не только отделять от природного общежития, в средоточии

которого стоят домохозяйство и семья, но даже подчеркнуто противопоставлять ему.

По мнению Х. Арендт, становление полиса, предопределившего смыслы современного понимания политического, имело следствием рождение гражданина, который помимо своей частной жизни получил своего рода вторую жизнь. Арендт разъясняла: каждый гражданин отныне принадлежал двум порядкам существования, и его жизнь характерным образом строго делилась на то, что он называл своим собственным, и то, что оставалось общим. Гражданин как таковой обретал особые, именно политические, качества: он становился способным на действие и речь. Причем первое и второе качества рассматривались как равноценные. Арендт уточняла свою мысль: «...говорение и действие считались одинаково изначальными и равновесными, они были равного рода и равного ранга. И это не потому лишь, что всякое политическое действие, когда оно не пользуется средствами насилия, осуществляется, очевидно, через речь, но также и в том, еще более элементарном смысле, что именно отыскание нужного слова в нужный момент, совершенно независимо от его информирующего и коммуникативного содержания для других людей, есть уже действие. Глухо только насилие, и по этой причине голое насилие никогда не может претендовать на величие» [Арендт, 2000, с. 36]. Отсюда – сама формула «право голоса» и ее значимость для становления и концепта, и феномена «политического».

Жизнь вне полиса, вне логоса, т.е. без права «на голос», оставалась в таком случае уделом женщин, детей и рабов. Особенностью этого удела являлся, по словам Арендт, «до-политический способ обхождения» – принуждение силой, приказы, а не убеждения, любые формы насилия. Они применялись главами семейств, можно сказать, в их «зоне власти» – в обращении с домочадцами, а также, по важнейшему замечанию Арендт, «в варварских государствах Азии, чью деспотическую форму правления часто сравнивали с организацией домохозяйства и семьи» [там же, с. 37]. Этим объясняется отличительная форма такого правления – абсолютное, непререкаемое господство отца семейства, которое было недопустимым внутри политического поля, где оно расценивалось как *contradictio in adiecto* («противоречие в определении»).

Арендт подчеркнуто заостряет тот факт, что обретение мужчинами качеств политического субъекта сопровождалось объекти-

вацией женщин и являлось неизбежным условием возникновения полиса – прообраза того, что принято считать политическим. Этого явления субъективации одних за счет объективации других не знали в восточных деспотиях, где подданными (а значит – объективированными) в равной мере были и мужчины, и женщины. И где все было сплошной «зоной власти».

Разъясняя свою позицию, Арендт утверждает, что у греческих философов разведение политического пространства и пространства домохозяйства, частной жизни, мыслилось как разведение сфер свободы и необходимости. По ее словам, местопребывание свободы, **как основания «действия в смысле свободного поступка»** [Арендт, 2000, с. 54], располагается исключительно в сфере политической, а необходимость – это до-политический феномен, характеризующий сферу домашнего хозяйства, бывшего поначалу основным средоточием экономики, или собственно экономического. В этом хозяйстве «по предписанию природы» (или в соответствии с «естественным назначением») забота о пропитании и поддержании жизни лежит на мужчинах, а о воспроизводстве рода – на женщинах. Именно поэтому совместная жизнь в домохозяйстве продиктована необходимостью, которая пронизывает собой все виды деятельности в этой сфере. Чтобы преодолеть давление необходимости, греки прибегали к принуждению и насилию в отношении домочадцев – женщин, детей, рабов. Они видели в домашнем насилии своего рода ресурс для достижения свободы в полисе. И как следствие, подчеркивает Арендт, полис отличался от сферы домашнего хозяйства еще и тем, что в нем жили равные, тогда как порядок домохозяйства опирался исключительно на неравенство. Бытие свободным исключало как господство, так и подневольность. В то же время внутри сферы домохозяйства вообще не могло быть свободы, даже для главы семьи, который считался свободным лишь потому, что мог оставить хозяйство и подняться на агору – в политическое пространство, где оказывался в среде себе равных.

Это равенство внутри полиса, подчеркивает Арендт, имеет мало общего с современной идеей эгалитарности. Хотя античное равенство предполагало, что гражданин имеет дело только с равными себе, считалось само собой разумеющимся наличие «неравных», которые составляли большинство населения в городах-государствах. «Неравные» – женщины и рабы – шли по одной статье, вместе они образовывали семейство, вместе держались в тени

или даже потаенности, но не просто потому, что были собственно-стью, а потому, что их жизнь была «трудовой», определяющейся и вынуждаемой «низкими» функциями тела [Арендт, 2000, с. 41–42].

Арендт заключает, что для Античности решающим было то, что все приватное есть лишь «приватное» (т.е. то, чего человек лишен), что человек в нем, как показывает само это понятие, живет в состоянии экономического принуждения, обыденности, т.е. отсутствия высших возможностей и способностей. У греков тот, кто не знал ничего кроме приватной стороны жизни, кто подобно рабам не имел доступа к общественному, или, подобно варварам, даже не учреждал публичную сферу, собственно человеком и не был [там же, с. 51]. Таким образом, Арендт, которую трудно заподозрить в склонности к гендерному анализу (а в этом ее неоднократно упрекали поборники феминизма [Диц, 2005, с. 323]), очень четко обозначает границу того феномена политического, которое возникало в древнегреческих полисах, осмыслялось античными философами и в чем-то стало матрицей для современных представлений о политическом как таковом. Эта граница у Арендт пролегает между сферами публичного – маскулинного, где бытуют свобода, равенство, право голоса, и приватного – феминного, где господствуют необходимость, неравенство и насилие.

Но в такой конструкции гендер служит не просто границей сфер публичного, политического и приватного, он еще и показатель, или измеритель, их **качественного** состояния. В одном случае, зоны соперничества, конкуренции голосов равных и свободных граждан; в другом – зоны господства главы семейства и «до-политического принуждения», в котором он держал своих домочадцев.

Арендт отмечает, что после распада Римской империи, в эпоху Средневековья, политическое, как публичное, по сути вытесняется полем религиозного, взявшего на себя функцию определения общих целей. Возвращение политического на круги своя начинается в Новое время. При этом происходит его серьезная коррекция. Арендт уточняет, что эта коррекция была результатом возникновения в этот момент общества как такового. Почему? С выходом «домохозяйства» и «экономических» (*oikía*) видов деятельности в пространство публичного само ведение хозяйства и все занятия, прежде принадлежавшие к частной сфере семьи, теперь стали касаться всех, т.е. стали «коллективными», общественными заботами. По ее словам, в современном мире эти две области

постоянно переходят одна в другую, как волны в вечно текущем потоке жизненного процесса. Вследствие этого началось «исчезновение пропасти, через которую люди классической древности должны были ежедневно как бы перепрыгивать, чтобы выходить из тесной области домохозяйства и подниматься в круг политического» [Арендт, 2000, с. 45]. Такая открытость политического есть по существу новоевропейский феномен.

И здесь уже можно оставить в стороне размышления Арендт, подчеркнув (вслед за ней), что для нашего анализа главное заключается в следующем: Новое время, восстанавливая поле политического, но одновременно и размывая его границы по линии противостояния политического, публичного и частного, домашнего, бывшего в прошлом средоточием экономического, ставит в повестку дня вопрос о равенстве для всех, в том числе и в политическом поле, связывая его с новой темой о правах человека. То есть меняет парадигму измерения политического, переводя его из режима равенства одних за счет неравенства других в режим принципиального признания равенства для всех в обладании правом голоса. В интенции такое признание обещало обогащение, дифференциацию смыслов и усложнение структур политического. Однако не сразу и не вдруг. В частности, между принципиальным признанием гендерного равноправия и его реальной реализацией возник достаточно глубокий разрыв. Гендер оказался поразительно устойчивым институтом. Процесс выравнивания диспозиций женщин и мужчин в политическом поле затянулся на несколько столетий и все еще далек от завершения. Проиллюстрирую этот тезис конкретными историческими примерами.

В 1791 г. на волне Великой французской революции под символическим заголовком «Декларация прав женщины и гражданки» появился первый в истории документ, в котором фактически было сформулировано требование гендерной реконструкции самого представления о границах политического поля. Автор «Декларации», мало кому известная в ту пору писательница Олимпия Де Гуж, выразила это требование в соответствовавшей революционному моменту метафорической форме. Она заявила: «Если женщина имеет право взойти на эшафот, то она должна иметь право взойти и на трибуну» [Duhet, 1971, p. 13]. Революционные власти приняли всерьез только первую половину этого заявления: два года спустя Олимпию де Гуж по ложному доносу от-

правили на гильотину. Француженки же получили право «взойти на трибуну», т.е. право голоса, только 150 лет спустя, в июле 1944 г. А еще через 73 года, на парламентских выборах 2017 г., они добились реального гендерного паритета в политике, получив около 40% мест (223 из 557) в Национальной Ассамблее страны [В парламент Франции...]. Чуть ранее президент Франции Э. Макрон доверил женщинам половину министерских постов в сформированном после его избрания правительстве [Среди глав государств...].

По-своему выразителен российский случай борьбы за право женщин быть «гласными». Традиция борьбы за это право восходит к революционным дням 1905 г., когда под нажимом общества на свет появился Высочайший манифест Николая II, провозгласивший, что в стране вводится новый конституционный порядок и, как орган народного представительства, созывается Государственная дума. Опубликованный 11 декабря 1905 г. закон о порядке выборов в Думу предоставил избирательные права только мужчинам. Женщины оказались исключенными из категории граждан, обладающих политическими полномочиями. С этого момента в России в политическую повестку дня встает вопрос о равноправии женщин, о предоставлении им права избирать и быть избранными в органы власти. Бенефициариями борьбы в тот момент стали женщины Великого княжества Финляндского, находившегося под протекторатом Российской империи. Женское избирательное право было признано там уже в 1906 г., а в 1907 г. на выборах в сейм женщины получили 19 депутатских мандатов [Женское избирательное право]. Это был первый случай институционализации гендерного равноправия в Европе.

В самой России в ходе этой революции женский политический вопрос оказался как бы «подвешенным». Его решением занимались в первую очередь женские организации. Они использовали разнообразные формы коллективного действия – собрания, митинги, демонстрации, петиции в органы государственной власти, по-своему готовившие Февральскую революцию. Не случайно эта революция началась с многотысячных женских манифестаций, заставивших Временное правительство обратить уже самое серьезное внимание на политические требования женщин. Вот почему в «Официальное положение о выборах в Учредительное собрание», утвержденное Временным правительством 20 июля и вступившее в силу 11 сентября

1917 г., вошла норма, устанавливавшая, что Учредительное собрание будет избрано на основе всеобщего, без различия пола, и равного избирательного права. Больше того, в состав Временного правительства включили известную благотворительницу графиню Софью Панину, которая возглавила Министерство социального призрения. Представительница партии социал-демократов (меньшевиков) Екатерина Кускова первой из русских женщин получила статус депутата законодательного органа власти. Так столетие назад Февральская революция формально признала равноправие женщин одним из принципов функционирования российской политики. Установившаяся после октябрьских событий советская власть подтвердила верность этому принципу.

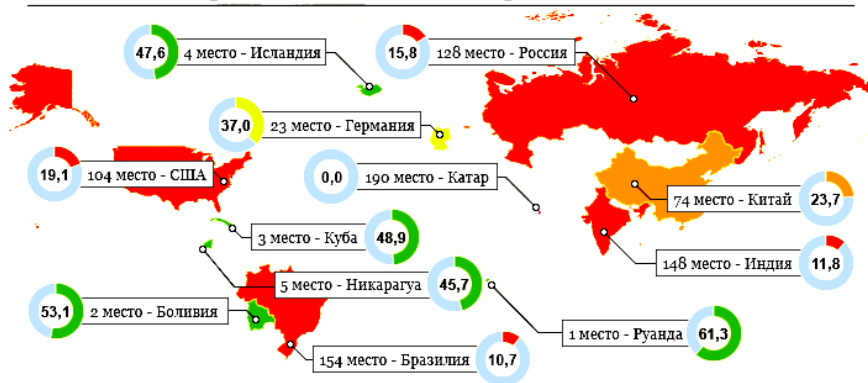
Начиная с эпохи великих буржуазных революций и вплоть до наших дней процесс слома традиционных гендерных логик в политике, как правило, приходится на периоды подъемов социальных движений или даже революционных потрясений. Его алгоритм примерно одинаков для разных стран и разных культур: на волне массовых выступлений женщины заявляют о своих социальных интересах, о претензиях на участие в политическом процессе. Реакция власть имущих на эти заявления практически всегда отрицательная. Но если давление женских масс оказывается достаточно мощным, в поле политики исподволь происходит некая гендерная реконструкция, или передел, – в это поле, нарушая традиционную мужскую монополию на власть, постепенно допускаются женщины. На рубеже XIX–XX вв. этот передел охватил многие страны мира. Россия вступила на этот путь одной из первых. Впереди нее оказались Новая Зеландия, которая предоставила своим гражданкам право голоса в 1893 г., Австралия – в 1896 г., Дания и Норвегия – в 1913 г. Вслед за Россией эстафету подхватили: Австрия – 1918 г.; Германия и Нидерланды – 1919 г.; США и Исландия – 1920 г., Великобритания – 1928 г., Франция – 1944 г., Италия – 1945 г., Бельгия – 1948 г. и т.д.

Дополнительное ускорение этот гендерный передел приобрел по окончании Второй мировой войны. Созданная в ту пору Организация Объединенных Наций искала пути для обеспечения мирного и устойчивого развития человечества. Одним из эффективных механизмов такого обеспечения было признано достижение гендерного равноправия, в том числе в сфере политики. О приверженности равноправию мужчин и женщин ООН заявила в

своем важнейшем правовом документе – «Всеобщей декларации прав человека» (1948). После этого ООН принимает более сотни правовых документов, направленных на слом традиционных гендерных логик в поле политики, на институционализацию, нормативное оформление гендерного равноправия, т.е. стирание границы между «политическим – мужским» и «дополитическим – женским». Этой проблеме посвящены, в частности, такие правовые документы как Конвенция о политических правах женщин (1952); Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979), Цели развития на пороге тысячелетия (2000).

В марте 2017 г. в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке состоялась 61-я сессия Комиссии по положению женщин. На ней отмечалось, что доля женщин-парламентариев в среднем в мире сейчас равняется 23%; доля женщин-министров – 18%. Однако среди глав государств или правительств насчитывается всего 17 женщин [Среди глав государств...]. В наши дни «гендерные разрывы» (gender gap), с помощью которых измеряются показатели представительства лиц того или иного пола в органах власти, всерьез различаются от страны к стране, от региона к региону. На этой же сессии ООН была представлена так называемая интерактивная карта «Женщины в политике – 2017», подготовленная Межпарламентским союзом и структурой «ООН – женщины». Вот как она выглядит:

Женщины в парламентах отдельных стран

Источник: ipu.org/wmn-e/classif.htm

© DW

Рис.
Интерактивная карта «Женщины в политике – 2017»

Судя по этим показателям, немногим странам удалось довести долю женщин-законодателей до некоего гендерного баланса. В числе «передовиков» в силу разных обстоятельств и с разными последствиями для реального гендерного паритета в политике выделяются: Руанда – 61% женщин в парламенте, Боливия – 53, Куба – 48,9, Исландия – 47,6, Никарагуа – 45,7, Германия – 37, Беларусь – 34,5%. В числе явно отстающих, опять же по разным причинам, значатся: на 74-м месте Китай – 23,7% женщин-парламентариев, на 104-м месте США – 19,1, на 128-м – Россия – 15,8, на 148-м – Индия – 11,8, на 154-м – Бразилия – 10,7, на 190-м – Катар – 0% [Крыжановская, 2017]. Эксперты считают, что паритет в политическом представительстве во всех странах мира женщины при самых благоприятных обстоятельствах обретут только к концу XXI в. [The global gender gap report, 2016].

Поясню значение этих показателей для нашей темы. Очевидно, что для «отстающих» по части обеспечения политического паритета гендер в политическом поле означает его границу. Для остальных он постепенно превращается в способ измерения умножающегося числа игроков на политическом поле.

Показательна ситуация с политическим представительством женщин в РФ. Приведу данные на 2017 г. В Государственной думе заседает 16% женщин. В составе Совета Федерации, возглавляемого Валентиной Матвиенко, 17% женщин [Среди глав государств...]. В правительстве работают три женщины: заместитель председателя Ольга Голодец, министр здравоохранения Вероника Скворцова, министр образования Ольга Васильева. Во главе РФ женщин не было никогда. Претендовали на пост президента страны четыре политика: Галина Старовойтова на выборах 1996 г., Элла Памфилова – в 2000 г., Ирина Хакамада – в 2004 г. и Ксения Собчак – в 2018 г. Согласно докладу ВЭФ в Давосе «Глобальный гендерный Разрыв – 2017», по трем из четырех основных показателей, выводимых экспертами ВЭФ, Россия находится в первой трети списка из 144 стран, участвовавших в этом исследовании. Страна занимает 40-е место в обеспечении равенства возможностей женщин и мужчин в экономической жизни, 50-е – по доступу к образованию, 1-е – по возможностям в сфере здравоохранения. Однако в графе «обладание политической властью» эксперты ВЭФ поставили РФ только на 121-е место, что в целом сдвинуло Россию на 71-е место

в общем рейтинге гендерных разрывов [The global gender gap report, 2017].

Почему в стране, которая столетие назад в числе первых в мире законодательно обеспечила своим гражданам право избирать и быть избранными во все органы власти, женщины все еще остаются «чужими» в поле политики? Однозначного ответа на этот вопрос нет, да, видимо, и быть не может. Российский случай в этом плане скорее типичное явление. Эксперты практически единодушны в том, что обретение женщинами политических прав, их включение в институт гражданства, не могут сами по себе, сразу же повлиять ни на статусные диспозиции женщин и мужчин, ни на направленность политических режимов и решений. Хотя логично было бы предположить, что появление женщин в политическом поле должно сопровождаться изменениями и в правилах игры на нем. И в ряде стран выход значительного числа женщин в поле политики действительно сопровождается серьезными реформами, направленными, прежде всего, на ликвидацию дискриминации по признаку пола. Но они происходят далеко не везде и не всегда – наличие женщин с мандатами на принятие политических решений в ряде случаев может даже усилить режим дискриминации¹. И с инициативой такого усиления выступают зачастую женщины-политики. Вот почему даже поборники гендерного равноправия вынуждены были обратить внимание на тот факт, что «физическое присутствие особ женского пола в поле политики не всегда точный знак того, что «женщины... мобилизованы как женщины» [Скотт, 2001 б, с. 957]. То есть как специфическая категория дискриминируемых, осознающих свою дискриминацию. Некоторые теоретики склонны определять такой тип недружественного поведения женщин-политиков в отношении других женщин как мобилизацию их традиционных «предрасположенностей». По мнению одного из них, поведение женщин в таком случае скорее является убедительным примером «добровольного согласия с господством» [Льюкс, 2010, с. 199] и социальным неравенством, что и обеспечи-

¹ Весьма убедительны с этой точки зрения доклады Всемирного экономического Форума в Давосе, которые выходят с 2005 г. под заголовком «Global Gender Gap Report» и знакомят мировую общественность с гендерными разрывами в обеспечении равных возможностей женщин и мужчин в сферах экономики, образования, здравоохранения и политики.

вает устойчивость традиционной пограничности гендера в поле политики.

Над этой проблемой всерьез размышлял Пьер Бурдьё. Изпод его пера вышла, в частности, книга-эссе «Мужское господство» [Bourdieu, 1998], которая была специально посвящена проблемам угнетения женщин, т.е. гендерного неравенства как политического феномена. Бурдьё, уже сформулировавший ко времени выхода этой книги основные постулаты теории диспозиционных практик, доказывал в ней, что гендерное неравенство является едва ли не самым надежным основанием для поддержания социальных иерархий. Предложенные им объяснительные схемы отличаются убедительностью и острой актуальностью. Поэтому остановлюсь на них подробнее.

Теоретик исходил из того, что сохранение гендерного неравенства во многом обеспечивается за счет символического насилия, т.е. формирования и поддержания гендерных стереотипов, определенных символов и образов, которые объясняют и усиливают, а следовательно, производят и воспроизводят, паттерны господства и подчинения между мужчинами и женщинами. В процессе взаимодействия индивиды создают разделяемые культурные схемы (фреймы), которые влияют на его характер. Разного рода коммуникации – ритуалы, церемонии, вообще закреплённые формы эмоционально мотивированного поведения, которые превращаются в некие модели уместного в конкретной ситуации поведения, Бурдьё включил в объемное понятие «габитус» (от франц. «habitat» – место жительства, некая социальная локация) [Бурдьё, 1993].

«Габитус» у Бурдьё – это система приобретенных в процессе социализации предрасположенностей, которые порождают и организуют представления и практики индивида. Такие предрасположенности, объективно предназначенные для достижения определенных результатов, не предполагают сознательной нацеленности на эти результаты и не требуют особого мастерства. Габитус предопределен средой, условиями существования путем внутреннего усвоения (интериоризации) их правил индивидом. Это – результат его личной истории и социального опыта. Вместе с тем габитус структурирует и новый опыт, который, в свою очередь, может трансформировать исходные ментальные структуры. Иными словами, габитус зависит от социальной «траектории» индивида.

В этом плане габитус есть «инкорпорированный класс» (включая не только социальные, но и биологические свойства индивида, например, пол и возраст). По мнению Бурдье, факторы, оказывающие на индивидов свое действие на протяжении всего их существования, образуют систему, внутри которой главный вес приходится на имеющийся у них социальный капитал, а также на соответствующую диспозицию в отношениях производства и воспроизводства.

Особенность габитуса еще и в том, что он является бессознательной структурой: это – глубоко укорененные и даже «забытые» навыки, привычки и т.д. Бессознательность габитуса связана с его телесным усвоением; поведенческие установки вписаны в телесность и проявляются в манере, стиле речи и поведения – согласно с давно усвоенными предписаниями. Сходные условия существования генерируют сходные габитусы членов группы, класса. Бурдье подчеркивает, что социальный класс – это класс схожих условий, а также класс индивидов, обладающих сходным габитусом, – практики членов группы изначально скоординированы габитусом, как бы выступающим основой их спонтанной солидарности.

Бурдье убежден в том, что именно габитус придает власти символическое измерение – он позволяет получать от доминируемых согласие на господство, основанное не на продуманном решении просвещенного сознания, а на непосредственном и дорефлексивном подчинении определенным образом социализированного тела. Бурдье так объясняет этот свой тезис: «Доминируемые применяют ко всем вещам мира, в особенности к отношениям господства, в которые они интегрированы, к индивидам, посредством которых эти отношения реализуются, и, как следствие, к самим себе, неотрелексированные схемы мышления. Данные схемы, будучи продуктом инкорпорирования предписаний... закрепляют властные отношения с точки зрения именно тех, кто утверждает в них свое господство, и тем самым представляют эти отношения как естественные» [Бурдье, 2009].

Механизм мужского господства обеспечен, в первую очередь, «дифференцированной социализацией» мужчин и женщин. Эта социализация конструирует мужской габитус через отношения с закрепленными общественными пространствами – экономическим, политическим, религиозным, научным. В этих пространствах между мужчинами как бы разыгрываются серьезные игры со-

ответствующих компетенций – мужчины обречены обладать ими. В то же время женщин приучают к тому, что они обретаются на полюсе частного, т.е. юридически и фактически исключены из тех игр, где утверждается и осуществляется мужественность. Им отводится роль зрительниц. Вне игры они оказываются на том основании, что природа якобы обделила их необходимыми качествами: женский пол в отличие от мужского конструируется как пол, наделенный по преимуществу негативными, уничижительными характеристиками. Эти характеристики не позволяют их носительницам участвовать в публичной деятельности от первого лица, т.е. на правах субъекта. А потому, как иронически замечает Бурдье, дифференцированная социализация обучает «мужчин любить игры власти, а женщин – любить мужчин, которые в них играют» [Бурдье, 2009].

Этот анализ диспозиций мужчин и женщин побуждает Бурдье весьма критически оценивать последствия формальной институализации женского участия в политике. Он убежден в том, что освобождение жертв от символического насилия не может осуществляться только на основе указа. Более того, по его мнению, ограничения, налагаемые на поведение женщин их габитусом, сильнее всего начинают проявляться именно тогда, когда исчезает внешнее принуждение и достигается формальное равенство их прав (право голоса, право на образование, доступ к любым профессиям, в том числе политическим). Почему это так? По мнению Бурдье, «самоисключение» и «призвание» (как негативное, так и позитивное) занимают место открытого исключения» [там же]. Ссылаясь на опыт буржуазных революций, так или иначе решавших «женский вопрос», Бурдье отмечает, что в момент формального провозглашения права голоса для женщин практическое знание / признание границ, исключающее саму возможность их нарушения, спонтанно переводится в зону недопустимого. Сильно цензурированное поведение, навязанное женщинам, особенно в присутствии мужчин и в публичных местах, – это не просто позы или манеры, выученные и исполняемые по случаю, но постоянный способ существования женщин в условиях хорошо согласованных инкорпорированных и объективированных структур.

Возможен ли своего рода разлад этих структур, который все же позволит женщинам освободиться от тяготеющих над ними правил подчинения мужскому господству? Бурдье связывает та-

кую возможность лишь с возникновением таких форм коллективного действия, которые будут направлены на разрушение ментальных конструкций символического превосходства мужчин, а также на создание различных форм коллективного контроля за социальными механизмами господства [Бурдье, 2009].

Теория диспозиционных практик Бурдье, одним из ключевых концептов которой является «габитус», глубоко вскрывает механизмы, обеспечивающие устойчивость традиционных гендерных диспозиций в политическом поле. Теоретик убедительно показывает, что даже при сдвигах границ политического поля и формальном допуске на него игроков-женщин, серьезных изменений в гендерной иерархии может и не происходить: как показывают разного рода измерения, властные диспозиции женщин и мужчин по существу остаются прежними. Однако в результате появления в этом поле игроков, не имеющих опыта «действия в смысле свободного поступка», могут существенно деформироваться и правила игры на нем. Поэтому Бурдье и настаивает на необходимости общественного контроля за этими правилами.

Высоко оценивая вклад Бурдье в раскрытие «тайны» пола, как бы добровольно соглашающегося на подчиненное положение, что становится особенно очевидно в моменты архаизации общественного дискурса, реставрации дореволюционных укладов, некоторые исследователи справедливо отмечают, что Бурдье явно недооценивает значимость «исторической динамики», а также «индивидуальных стратегий, направленных против того, что их ограничивает» [Коннелл, 2015, с. 132]. Поскольку гендерные отношения выстраиваются одновременно как некие структуры и практики, то ригидность структур может преодолеваться человеческой практикой, не только раздвигающей границы политического поля, но и меняющей диспозиции игроков в нем. Не случайно практика считается «постоянным источником ситуаций, в которых прежние модели отношений прекращают свое существование (“ситуация уже никогда не будет такой, как прежде”) и открываются новые возможности для изменений»¹ [там же, с. 196]. Иначе

¹ Серьезный анализ классической работы Р. Коннелл, в которой описываются механизмы гендерных сдвигов во властных структурах, уже не раз проводился российскими социологами. Выделю последнюю из статей, написанных по случаю выхода в свет русского перевода книги [Здравомыслова, 2016].

говоря, прежние границы утрачивают смысл. Задача исследователей – зафиксировать этот момент путем количественных и качественных замеров политического поля, что, по сути, и является одной из форм контроля за социальными механизмами господства.

Для исследователей политического поля, на мой взгляд, крайне важно то, что Бурдьё рассматривает «мужское господство» как некую «парадигму (а часто модель и ставку) любого господства» [Bourdieu, 1998]. И с этой точки зрения тема «выхода» женщин в политическое поле, т.е. его гендерного передела, также имеет парадигмальное значение для анализа социальных практик всех тех, кто стремится к обретению политической субъектности.

Список литературы

- Арендт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В.В. Биbihина. – СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с.
- Батлер Дж.* Случайно сложившиеся основания: Феминизм и вопрос о «постмодернизме» // Введение в гендерные исследования / Под ред. С.В. Жеребкина. – Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. – Ч. 2: Хрестоматия. – С. 235–257.
- Бурдьё П.* Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
- В парламент Франции избрано рекордное число женщин // Газета. Ru. – 2017. – 19 июня. – Режим доступа: https://news.rambler.ru/world/37177339/?utm_content=news&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (Дата посещения: 06.09.2017.)
- Граница // Толковый словарь Ушакова онлайн. – Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=11064> (Дата посещения 21.10.2017.)
- Дич М.Г.* Ханна Арендт и феминистская политика // Феминистская критика и ревизия истории политической философии / Сост. М.Л. Шенли, К. Пейтмен. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 316–346.
- Женское избирательное право // Википедия: Свободная энциклопедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Женское_избирательное_право (Дата посещения: 20.10.2017.)
- Здравомыслова О.М.* «Гендер и власть»: Читая книгу Рейвин Коннелл в России // Социологическое обозрение. – М., 2016. – Т. 15, № 3. – С. 213–222.
- Измерение // Толковый словарь Ушакова онлайн. – Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=20517> (Дата посещения 21.10.2017.)
- Коннелл Р.* Гендер и власть: Общество, личность и гендерная политика. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 432 с.
- Крыжановская Е.* Женщины в мировой политике: от Руанды до России (инфографика) // Deutsche Welle. – 2017. – Режим доступа: <http://www.dw.com/ru/женщины-в-мировой-политике-от-Руанды-до-России-инфографика/a-37850297> (Дата посещения: 20.10.2017.)

- Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд. – М.: Высшая школа экономики, 2010. – 240 с.
- Скотт Дж. Гендер: Полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования / Под ред. С.В. Жеребкина. – Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001 а. – Ч. 2: Хрестоматия. – С. 405–437.
- Скотт Дж. Некоторые размышления по поводу гендера и политики // Введение в гендерные исследования / Под ред. С.В. Жеребкина. – Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001 б. – Ч. 2: Хрестоматия. – С. 946–962.
- Среди глав государств и правительств всего 17 женщин // Центр новостей ООН. – 2017. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?newsID=27629#.WhQY3rjgyrM> (Дата посещения: 20.10.2017.)
- Филиппов А. Ф. Где живет политика? // Полит. ру. – 2013. – 18 июня. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2013/06/18/filippov/> (Дата посещения: 20.02.2017.)
- Bourdieu P. La domination masculine. – Paris: Seuil, 1998. – 142 p.
- Duhet P.M. Les femmes et la revolution (1789–1794). – Paris: Juliard, 1971. – 239 p.
- The global gender gap report 2016 // World Economic Forum. – Mode of access: <http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2016> (Дата посещения: 21.09.2017.)
- The global gender gap report 2017 // World Economic Forum. – Mode of access: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2017.pdf (Дата посещения: 25.01.2018.)